

Валентина Коган

## Одесский переводчик Фрейда

Яков Моисеевич Коган – врач-психиатр, психоаналитик, кандидат медицинских наук. Заведовал медицинской частью Одесской психиатрической больницы, работал доцентом на кафедре психиатрии Одесского медицинского института, организовал амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в Одессе, участвовал в Великой Отечественной войне в звании майора медицинской службы. Являлся переводчиком ряда наиболее значительных работ З. Фрейда, а также одним из представителей классического психоанализа в России.

Как ни странно, но это оказалось трудно – писать об отце, которого я беззаветно любила, которым гордилась, мнение и авторитет которого были для меня непреложными, а природный ум и его профессиональная состоятельность признавались всеми, кому довелось в разном качестве общаться с ним.

Эти строки – не историческая справка, не профессиональные размышления на тему теории и практики психиатрии и психоанализа, в которых отец реализовал свое бесспорное признание. Такая задача была бы мне не по плечу, тем более что моя профессия далека от этой науки, причастность к которой определяется лишь тем, что судьба уготовила мне счастливую участь быть дочерью своего отца, доктора Якова Моисеевича Когана. Я могу лишь свидетельствовать об известных мне фактах профессиональной деятельности отца, приводить суждения его коллег, друзей и соавторов (хотя последних практически не было) и говорить о том, чему сама была свидетельницей.

Мой отец Яков Моисеевич Коган родился 2 марта 1898 года на Украине в городе Тульчин Винницкой области в семье пи-

саря Мещанской управы. Рано лишившись отца, еще обучаясь в гимназии, он занимался репетиторством, зарабатывая средства к существованию. А дальше, до поступления в 1918 г. в медицинский институт, – пестрая череда самых разных и несхожих занятий и профессий: служба в пехотном полку старой армии, затем – истопник, швейцар, билетер в кинотеатре научно-популярных фильмов, библиотекарь, заведующий реформаторием для несовершеннолетних правонарушителей, лекпом ДОПР’а.

В промежутках между работой и учебой урывками изучал без специальных пособий (и изучил в совершенстве!) немецкий язык, переводя до изнеможения раздобытую где-то немецкую машиностроительную энциклопедию, написанную готическим шрифтом. Последующая жизнь вознаградила отца за это упорство, предоставив ему возможность использовать это знание в профессии, принесшей ему известность как знатоку и переводчику наиболее значимых трудов З. Фрейда и других авторов, писавших на немецком языке. В редакционной статье вышедшего в Харькове в 1996 г. сборника «История психоанализа в Украине» написано, что по количеству работ З. Фрейда, переведенных на русский язык, Я.М. Коган занимает второе место после М.В. Вульфа. Не могу отказать себе в удовольствии привести суждение одного из авторов этого сборника, в котором высказывается мнение, что опубликованная в 1927 году статья, где «Я.М. Коган обосновывает и развивает фрейдовскую концепцию единства онтогенеза и филогенеза, совершенно свободна от какого-либо идеологического или политического влияния... Видение Я.М. Когана этой проблемы шире, чем фрейдовское...».

Группой, состоявшей из семи молодых психиатров-психоаналитиков, в 20-х годах руководил известный психиатр профессор Е.А. Шевалев, высокообразованный специалист, человек высокой культуры и гуманистических убеждений. Увлеченность общей идеей объединяла всех семерых членов группы. Они дружили и охотно общались в свободное от работы время и беззлобно подтрунивали друг над другом, делая это порой в стихотворной форме. В музее одесской психиатрической больницы сохранилось написанное Е.А. Шевалевым «Письмо З. Фрейда по поводу избрания в ассистенты доктора Я.М. Когана и открытия пси-

хиатрической клиники». От имени З. Фрейда Е.А. Шевалев приветствует Я.М. Когана.

Я поздравляю Вас сердечно  
И убежден, что выбор Ваш  
Особый вид теперь, конечно,  
Психоанализу придаст.  
Для нас не будет в том обиды,  
Если отныне в свой черед  
Ваш ассистент свое Либидо  
На клинику перенесет.  
В словах сих – мое почтение,  
Я очень рад – мой близкий друг,  
Шлю свой привет Вам в заключение  
И с уважением, Зигмунд Фрейд.

А вот строки из написанной Е.А. Шевалевым «Поэмы о семи грешниках, двое из которых предстали перед высшим судьей»:

Архангел молвил: здесь пред вами  
Халецкий с Коганом не вдруг:  
Психоанализ их недуг,  
От их речей краснеют дамы,  
Им был неведом путь Господний,  
Они с усердьем червяка  
Копались в душных преисподнях.  
Они назойливей Чека.

К счастью, эти отчаянно смелые строки не имели возможных серьезных последствий.

В 1925 году в Москве была издана на русском языке одна из наиболее выдающихся работ З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному», признанная шедевром даже самыми решительными противниками З. Фрейда, не разделяющими целиком его учения. Перевод был выполнен моим отцом с третьего немецкого издания с предисловием к русскому изданию профессора Е.А. Шевалева, который отмечает значительную трудность самого перевода наличием в оригинале целого ряда выражений, каламбуров, острот, трудно переводимых на русский язык ввиду их чисто национального своеобразия. Этим объясняется то, что, в противоположность другим произ-



Яков Моисеевич Коган

ведениям Фрейда, эта работа долго не переводилась на русский язык. Несколько лет тому назад среди немногочисленных сохранившихся у меня книг из некогда большой библиотеки отца я нашла небольшую книжку Я. Шафира «От остроты до памфлета», изданную в Москве в 1925 году. Приведу один из абзацев в самом начале книжки, обведенный черными чернилами толстой, жирной линией: «Книга эта (речь идет о вышеупомянутой работе З. Фрейда) до сих пор не переведена на русский язык, возможно, потому, что перевод приводимых и анализируемых Фрейдом острот очень труден, почти невозможен. Для рус-

ского читателя пришлось бы в качестве иллюстраций фрейдовских положений брать русские остроты, так как игра слов, двусмысленности, связанные с различным употреблением одного и того же слова, различные модификации слова совершенно пропадают при переводах. Изменение же иллюстративного материала предполагает не механический перевод, а соответствующую переработку книги Фрейда, посильную лишь большому знатоку вопросов психоанализа. Будем надеяться, что в ближайшее время у нас окажется такой специалист-психолог, который даст нам перевод этой замечательной книги». Не знаю, как совместить во времени эту публикацию и работу отца над переводом, но у меня нет сомнений в том, что выделенные отцом строки если и не были единственным и решающим фактором, побудившим его к переводу «Остроумия», то, во всяком случае, они могли вызвать некий профессиональный творческий азарт, увенчавшийся переводом, достойным оригинала, как о том сви-

детельствуют специалисты и те, кому была интересна и полезна в творчестве эта книга (в их числе И. Губерман и В. Гафт).

Непростая судьба ждала и издание перевода еще одной значительной работы Фрейда «Толкование сновидений», уже подготовленный к изданию набор которой был в свое время рассыпан. Но книга все же увидела свет в 1991 году в ранее исправленном и дополненном отцом виде.

Могу лишь с запоздалым огорчением свидетельствовать, что в свое время, при жизни отца, я со свойственной молодости (мне было 25 лет, когда он умер) расточительной безоглядностью не очень интересовалась психоанализом и теорией Фрейда. В то время меня больше занимали вопросы мотивации поведенческих особенностей разных людей (от выдающихся, публичных и широко известных до самых простых и заурядных). Вот об этом я часто беседовала с отцом, мнение и оценки которого для меня были непреложны.

Позволю себе лишь заметить, что с помощью психоаналитической практики отец выводил из тягостных состояний неврозов, фобий и разных комплексов многочисленных пациентов, обращавшихся к нему за помощью. Я слышала, как один из таких пациентов, придя к отцу для очередной беседы, с подъемом и воодушевлением в голос воскликнул: «Подобно цыпленку, пребывающему в яичной скорлупе накануне появления на свет, я начал с вашей помощью проклевывать свою скорлупу, во тьму которой я был до сих пор заключен. Мне необходимо немедленно продолжить с вами общение!». Такие случаи одна папина коллега называла результатом ювелирной работы психоаналитика.

Достижения отца в этой области позволили авторам раздела «психоанализ» назвать его имя в Большой советской медицинской энциклопедии, изданной в 30-х годах минувшего века, в качестве одного из представителей классического психоанализа в России.

Увлечение переводами психоаналитической литературы и самим психоанализом не мешали отцу заниматься наукой, писать книги (ему принадлежит монография «О структуре паранормальных заболеваний», «Отождествление и его роль в художественном творчестве», «Татуировка у преступников» и др.),

возглавлять медицинскую службу в Одесской психиатрической больнице, работать доцентом на кафедре Одесского медицинского института, читать курс лекций по судебной психиатрии на юридическом факультете Одесского университета и Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), заниматься повышением квалификации врачей психбольницы, писать руководство для среднего и младшего персонала психиатрических больниц и подготовить в нескольких небольших томах краткое руководство по общей психиатрии под названием «Психиатрия в определениях, схемах и таблицах», вызывавшее неизменную заинтересованность студентов, остроумно назвавших это пособие лаконичным словом «Выжимки».

Лектором отец был блестящим. На его лекции в университете приходили студенты не только юридического, но и других факультетов и даже из других вузов. Слушавшие в свое время лекции отца и ставшие впоследствии маститыми докторами, бывшие студенты медин говорили мне о поразительном сочетании необыкновенной содержательности и удивительной легкости восприятия и даже занимательности этих лекций. Не так давно я обнаружила подаренное отцу немецкое издание «Клинического словаря» с дарственной надписью, начинающейся словами: «На Ваших замечательных лекциях я любовался красотой и силой человеческого разума, познающего самое сложное – человеческое «Я»...» Обнаружила я и двухтомник Отто Фенихеля на языке оригинала «Истерия и неврозы. Психоаналитические особенности учения о неврозах», изданный в 1931 г. в Вене и присланный отцу в 1932 году из Берлина с дарственной надписью автора: «Доктору Когану с благодарностью за вдвойне прекрасный день в Одессе в сентябре 1932 года. 15 октября 1932 г. Отто Фенихель».

Неожиданной находкой стала и книга Фрейда с его автографом. Свою фамилию по своей известной прихоти он написал со строчной буквы «f». Сохранилась и книга «дедушки Дурова», отца известной династии легендарных русских дрессировщиков, с его дарственной надписью. Нашла я и одну книгу (а было их несколько) выдающегося психолога Л.С. Выготского, снискавшего известность своими работами по исследованию детской психологии, с необыкновенно теплой, дружеской дарственной надписью.

При всех своих многочисленных обязанностях отец легко откликнулся на просьбы о чтении публичных лекций, докладов о международном положении и внешней политике, в которых он хорошо разбирался. Уезжая накануне начала войны в Днепропетровск на научную конференцию и безошибочно оценивая напряженность политической ситуации в мире, отец произнес провидческие слова: «Я уезжаю в мирное время, а вернусь – в военное». Так и произошло. На фронт он ушел в первые дни войны в звании майора медицинской службы. Он был тяжело ранен и после излечения получил назначение на должность начальника военного эвакогоспиталя № 983 в Красноярске. История о том, как мы с мамой в сутолоке войны разыскали отца и приехали к нему в Красноярск, заслуживает отдельного рассказа. До конца войны госпиталь стал для него предметом постоянных забот, связанных не только с организацией медицинской помощи раненым, но и с многочисленными проблемами, далекими от медицины, но неразрывно с ней связанными. В этом новом для него качестве в отце обнаружились способности заправского хозяйственника – от снабженца до строителя. Со свойственной отцу энергией он привлек к шефской помощи госпиталю соседствующий с ним военный завод. Воспользовавшись бесплатными дарами тайги, он вместе с поваром придумал горьковатый, но очень полезный напиток из хвои, который варил на госпитальной кухне для раненых. В поисках усиленного питания для тяжелораненых отец решил обратиться к местному населению за помощью. Эту его инициативу разделяли в госпитале далеко не все, полагая такую попытку тщетной, учитывая тяготы военного времени. Но отец знал, что хотя Сибирь и не пострадала от бомбежек и разрушений фашистского военного вторжения, из каждой семьи на фронт ушли мужчины, судьба которых стала общей тревогой для всех, и поэтому верил, что его обращение не оставит людей безучастными. И он решился! На телегу, запряженную гнедым жеребцом (госпиталь располагал только гужевым транспортом – тремя замечательными лошадьми), возчик погрузил огромную деревянную клетку, и в сопровождении отца, самостоятельно лихо управлявшего своим «персональным двухместным выездом» – легкой двухместной двуколкой, тоже запряженной лошада-

кой, миссия направилась в ближайшее село и остановилась в его центре. Местные мальчишки, мигом окружившие гостей, тут же разнесли по деревне известие о том, зачем сюда приехал «сам товарищ майор». Вскоре с постепенно нарастающей активностью к стоявшему кортежу устремились женщины, которые с молчаливой суровой готовностью несли все, что могли отдать из своих скудных запасов: домашнюю птицу, сало, мясо, яйца, мед, молочные продукты, картошку, хлеб и др. При этом многие из них вытирали слезы, невольно отождествляя в своем сознании тех, для кого они несли продукты, со своими находившимися на фронтах родными. Так происходило в каждом селе, куда бы они ни приехали, и к вечеру клетка была полна птицы, а подвода и двуколка были горой заполнены свежими домашними продуктами, отданными с искренней готовностью и от чистого сердца. В очередной раз отца не подвело умение понимать и предвидеть движения человеческой души вопреки осторожному недоверию скептиков. Позднее, когда госпиталь перевели в разрушенную войной Белоруссию, надо было благоустроить его на новом месте. Под госпиталь отвели сильно поврежденное бомбежками далеко не приспособленное для медицинского назначения здание, которое восстанавливали сами сотрудники госпиталя. В числе первоочередных задач была организация возможности купания раненых. И тогда отец на своей неизменной двуколке стал объезжать уже нежилые разрушенные городские здания в надежде обнаружить в каком-нибудь из них хоть что-то, пригодное для этой цели. И нашел! В развале одного дома он увидел большую емкость с топочным устройством, которую на следующий же день сотрудники демонтировали и доставили в госпиталь, где и установили ее без всяких разрешений и согласований, нарушив, возможно, при этом какие-то условия техники безопасности, но зато обеспечив всех долгожданной баней.

После окончания войны отец вернулся в Одессу и приступил к своим прежним обязанностям. Но волна смутного времени «лысенковщины», «безродного космополитизма», «врачей-убийц», всеобщего доноительства и предательства накрыла и отца своей мрачной тенью. Дважды усилиями конъюнктурщиков и завистников его пытались оклеветать, дискредитировать и ли-

шить работы. К счастью, его безупречная человеческая и деловая репутация оказалась сильнее и действеннее этих происков, вопреки которым ему были доверены организация и руководство амбулаторной судебно-психиатрической экспертизой, ставшей главным делом последних лет его жизни. Отец умер в 1960 году в возрасте 62 лет, не успев написать давно задуманную им работу «100 случаев патологического опьянения», материалы для которой собрались в большом багаже его судебно-психиатрической практики.

Был случай, когда следователь с недоверием отнесся к заключению судебной экспертизы, признавшей невменяемым подозреваемого, находившегося в состоянии патологического опьянения в момент совершения им преступления. Воспользовавшись своим правом, следователь вынес решение о проведении повторной экспертизы в Москве в Институте судебной психиатрии им. Сербского и получил заключение, подтверждавшее выводы первой экспертизы. В дальнейшем, на лекции для студентов Всесоюзного юридического заочного института (а в качестве слушателей там были уже практикующие юристы), излагая слушателям вопросы вменяемости и невменяемости и особенности диагностики этих состояний, в качестве примера отец привел этот случай, упомянув и о сомнениях следователя. И тогда в зале поднялся с места человек, который во всеуслышание покаянно заявил: «Этот следователь – я!». Много позже, когда отца уже не было в живых, его коллега по этой работе рассказывала, что иногда к отцу за советом и помощью обращались следователи, если в процессе следственных действий они оказывались в тупике, сталкиваясь с логически не объяснимым и, казалось бы, психологически не мотивированным поведением участников уголовного дела. И бывало, что, основываясь на второстепенных и, на первый взгляд, малозначительных деталях дела, мимо которых прошло следствие, отец мог построить достоверную и доказательную версию событий.

Отец дома рассказывал о сложных экспертизах, когда подэкспертный был замкнут и недоступен контакту или, наоборот, активно старался ввести врачей в заблуждение, симулируя душевное заболевание, или когда требовалось установить посмертно

психическое состояние человека в момент совершения им преступления или акта суицида, от чего напрямую зависело судебное решение по уголовному делу. Суицидальные попытки часто совершались на военной службе, и об особенностях экспертизы в нескольких таких случаях отец написал статью в журнал «Судебная медицина» (кажется, так он тогда назывался). От главного редактора журнала пришел такой ответ: «Вы прислали потрясающе интересную статью, но я, увы, не могу ее опубликовать». Время таких публикаций пришло много позже, но все-таки оно наступило.

Однажды совершенно случайно я попала на открытые слушания гражданского дела, где в процессе судебного заседания от эксперта требовалось дать заключение о вменяемости умершей от тяжелого сосудистого поражения мозга женщины, которая непосредственно перед смертью якобы сделала свои завещательные распоряжения, опротестования которых требовала часть ее неудовлетворенных завещанием наследников. В зале прямо позади меня сидела группа пожилых людей, видимо, пенсионеров, коротавших свой досуг посещением открытых судебных процессов. Они живо комментировали происходящее, не переставая при этом активно утверждать, что «никто сейчас не может знать, соображала она или нет на смертном одре». И тогда один из них авторитетно заявил: «Коган знает! Коган – химик!». Трудно комментировать логику такого определения, но я долго после этого случая называла отца химиком.

Однажды летом во время студенческих каникул я поехала с отцом в Киев на проходивший там в это время какой-то тематический «психиатрический» съезд. Во время перерыва в заседаниях мы зашли в ближайшую столовую пообедать. Там было шумно и многолюдно. В центре столовой за столиком одиноко сидела молодая женщина, казавшаяся пьяной: она произносила какие-то слова, ни к кому не обращаясь и сопровождая их неопределенными плавными жестами. Кто-то над ней потешался, иные требовали вывести пьяную из зала. До нас долетали лишь ее неразборчивые отдельные возгласы, но я хорошо видела ее, а отец сидел к ней спиной. «Она пьяная?» – спросила я отца. Он оглянулся, коротко и пристально посмотрел в ее сторону и, повернувшись ко мне, уве-

ренно ответил: «Она не пьяная. Она – нашенская». Было ясно, что означал его ответ. Я была потрясена тем, как мало ему потребовалось времени, чтобы оценить состояние этой женщины.

Ко мне часто обращались знакомые (а иногда и вовсе малознакомые люди) с просьбой о консультации и иной помощи отца. Не было случая, чтобы под каким-либо предлогом он отказал в такой помощи, если она была в пределах его возможностей, и делал это абсолютно бескорыстно. Однажды моя преподаватель английского языка попросила проконсультировать ее коллегу по кафедре, молодую женщину, страдавшую измучившей ее бессонницей. После ее посещения отец рассказал мне, что, побеседовав с ней, он просто содрогнулся, узнав, какое огромное количество медикаментов от бессонницы она принимает, и решительно отменив все, уверенно сказал: «Ничего сегодня не принимайте на ночь. Спокойно ложитесь спать». И впервые за долгое время она действительно заснула, о чем с восторгом мне на следующий день сообщила моя преподаватель, после этого случая адресуя через меня отцу все вопросы по своим медицинским проблемам, даже если они были далеки от психиатрии. Велика и действенная сила внушения и доверия к врачу!

Отец был жестким администратором и очень требовательным педагогом: насколько студенты любили его лекции, настолько боялись сдавать ему экзамены. При этом он был человеком добрым, по-настоящему добрым, а не слащаво «добреньким». Уже после его смерти, когда мне доводилось встречать старых сотрудников больницы, они мне рассказывали, как часто они обращались к отцу за помощью и как участливо он им помогал даже в самых серьезных вопросах, делая это порой и по собственной инициативе.

Немногие знали о том, что была у него такая слабость: он не переносил женских слез. Притом, что он не был человеком сентиментальным, плачущая женщина неизменно делала его уступчивым и снисходительным. И тот, кто об этом знал, умело пользовался этим: с помощью женских слез все административные проблемы просительниц решались положительно и быстро.

Вне деловой жизни в нем было много какой-то мальчишеской раскрепощенности, непосредственности и задора. Моя приятель-

ница, познакомившаяся с ним, когда отцу уже было около 60-ти лет, сказала мне: «Папа у тебя – мировой мальчишка!». С присутствием ему чувством радости бытия он получал удовольствие от каламбуров и розыгрышей, с увлечением играл в покер и преферанс, ходил на рыбалку, переписывался стихами с десятилетним сыном друзей нашей семьи, был неистощимым выдумщиком детских игр и развлечений на моих детских именинах, слыл завзятым голубятником и любителем живой природы; вместе с детьми и племянниками своего ближайшего друга профессора А.М. Халецкого устраивал домашние спектакли с декорациями и переодеванием, получая от этого не меньше удовольствия, чем дети, нежно и трогательно называвшие его Дядькой. У него было еще одно прозвище – Лапа. Не знаю, кто и когда его придумал. Наверное, это было связано с тем, что у него были большие красивые и сильные руки.

И еще. Отец хорошо знал, понимал и любил поэзию Бориса Пастернака. Во время войны, перед самым ее победным окончанием, для своих коллег по военному госпиталю отец устроил вечер поэзии поэта под шутивным девизом «Вечер с маком, с Пастернаком», поскольку в качестве угощения к вечеру был испечен пирог с маком. Чуть позже, будучи по делам госпиталя в Москве, отец увидел афишу, извещавшую о вечере поэзии Б. Пастернака, и пошел на этот вечер со старшей двадцатилетней дочерью профессора А.М. Халецкого. Зал был заполнен до отказа. Отец был поражен тем, что значительную часть зрительской аудитории составляла молодежь, среди которой было много парней в военной форме – кто с погонами, а кто уже без, успев демобилизоваться. Пастернак сам читал свои стихи, часто при этом останавливался, забыв текст, и, напрягая память, прикрывал глаза тыльной стороной ладони. И тогда из разных концов зала люди наперебой с воодушевлением на память продолжали прерванный поэтом текст. Много позже «Доктор Живаго» и многострадальная история с Нобелевской премией принесли Пастернаку еще более широкую и, увы, печальную известность.

Тогда же, возвращаясь из Москвы в госпиталь, отец увез к нам погостить дочь профессора А.М. Халецкого. Это решение было принято в последний момент перед отъездом, когда времени на

приобретение для нее билета уже не оставалось, и она села в поезд «зайцем». Как назло, в пути в вагон зашел контролер. Он сначала обратился к ехавшему с ними в одном купе капитану. Тот вступил с контролером в конфликт, возмущившись почему-то законным требованием предъявить билет, очевидно, усмотрев в этом ущемление его офицерского достоинства. Быстро оценив ситуацию, отец начал демонстративно открывать свой планшет, не дожидаясь требований контролера, выражая этим готовность, в отличие от своего взбунтовавшегося соседа, предъявить свои билеты, заведомо зная, что один из них отсутствует. Расчет оказался точным. Сработало! Польщенный таким смирением, контролер по-военному вытянулся в струнку и, откозыряв, воскликнул: «Не извольте беспокоиться, товарищ майор! Я вам верю!».

Отец очень много и напряженно работал, и даже в те редкие годы, когда он уходил в отпуск, использовал его по частям, возвращаясь в промежутках к своей обязательной и неотложной работе. Я не помню, чтобы он когда-нибудь жаловался на усталость, хотя при его нагрузке ее не могло не быть. Вероятно, многоплановая насыщенность жизни и полнота мироощущения позволяли легко с ней справляться, не испытывая ее изнуряющего воздействия.

Однажды по случаю на каком-то стихийном рынке отец купил набор из пяти старинных цветных открыток, на которых художник в слегка шаржированном виде изобразил врачей пяти специальностей (хирурга, гинеколога, стоматолога, терапевта и психиатра), снабдив их теми внешними особенностями, по которым можно было безошибочно определить профессиональную принадлежность каждого из них. Общеизвестна бытующая в народе добродушно-снисходительная байка, в соответствии с которой врачей-психиатров считают страдающими в известной мере недугами своих пациентов в результате тесного общения с последними. Кстати, словно в подтверждение этой байки, однажды, выписываясь из психбольницы, благодарный пациент прислал лечившим его врачам торт с коротким посвящением: «Врачам психиатрикам и неврастеникам», чем очень их позабавил. Очевидно, художник, оказавшись во власти такого домысла, и воплотил его в своем изображении: глубокое мягкое кресло, поношенный тем-

ный костюм, почти сплетенные худые длинные ноги, заброшенные одна на другую; многозначительно зажатый в кулак выдающийся вперед острый подбородок; устремленный в никуда то ли глубокомысленный, то ли отрешенный взгляд выпученных глаз; малочисленные короткие торчащие волосы на почти лысой голове и венчающий этот типичный набор «выразительных» черт сократовский лоб как материальное вместилище источника профессиональной проницательности.

Трудно было себе представить что-либо более контрастное облику отца: спокойный внимательный взгляд, ровный негромкий голос, четкая речь, красивые белоснежные седые волосы (отец начал рано седеть, а после контузии на фронте стал и вовсе абсолютно седым), подтянутый и аккуратный. Все это соответствовало портрету его коллеги с открытки с точностью до наоборот. Как-то, вне связи с портретом на открытке, я спросила у отца, имеет ли значение для профессионала, занимающегося психиатрией, психоанализом и психотерапией, его внешность. На что отец без раздумий сразу ответил мне утвердительно и объяснил: «Ничто во внешности врача нашей специальности не должно раздражать пациента, вызывая у него некое неприятие врача. При этом часто оба эти чувства возникают у пациента безотчетно, подсознательно, и это мешает общению с ним».

То, что мной написано об отце, – это далеко не все о нем, хотя бы уже потому, что в моем повествовании он предстает идеальным, а таким не может быть никто. Но я знаю и помню его таким, как о нем написала. И мне в оправдание – то, что все мной написанное – сушая правда.

